

Часть I.

ВВЕДЕНИЕ.

А. О НѢКОТОРЫХЪ ОСНОВНЫХЪ ФОНЕТИЧЕСКИХЪ ПОНЯТІЯХЪ.

§ 1. Отправнымъ пунктомъ моей работы являются идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ, высказывавшіяся и теперь высказываемыя имъ въ разныхъ печатныхъ трудахъ, но систематичнѣе всего изложенныя въ его *Próba teorji alternacyj fonetycznych*. Kraków, 1894—*Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen. Ein Kapitel aus der Psychophonetik*. Strassburg, 1895. Поэтому можно было-бы, сославшись просто на эти книги, а равно и на прочіе труды Бодуэна, приступить непосредственно къ предмету работы. Однако, въ виду того что эти идеи, по моимъ наблюдениямъ, до сихъ поръ не стали всеобщимъ достояніемъ, а также въ виду того что самъ Бодуэнъ не все въ своей теоріи развилъ съ надлежащей полнотой, представляется вполне умѣстнымъ подробно изслѣдовать нѣкоторыя понятія, положенныя въ основаніе настоящаго изслѣдованія, и въ частности прежде всего остановиться на психологическомъ анализѣ того, что Бодуэнъ называетъ *фонемой*.

§ 2. Если мы будемъ наблюдать психическіе процессы при потокѣ слышимой рѣчи, то результатомъ самаго элементарнаго самонаблюденія и анализа будетъ констатированіе того факта, что извѣстные ряды сложныхъ акустическихъ представленій, воспринимаемые нами, какъ нѣчто *единое*, могутъ вызывать въ насъ нѣкоторые комплексы смысловыхъ представленій и чувственныхъ элементовъ, также объединенныхъ въ *одномъ* психическомъ актѣ: такъ, звуковыя представленія, символомъ которыхъ являются

написанія «смеркается», «свѣтаетъ», «темно» вызываютъ опредѣленные довольно сложныя представленія съ извѣстнымъ чувственнымъ тономъ *).

Но здѣсь нужно замѣтить, что для возбужденія представленій, уже возникавшихъ въ нашемъ сознаніи, не требуется полнаго ряда соотвѣтственныхъ ощущеній и что кромѣ того эти послѣднія могутъ и не быть абсолютно тождественны возбуждаемымъ представленіямъ. Вполнѣ достаточно лишь нѣкотораго количества элементовъ, болѣе или менѣе подобныхъ прежде бывшимъ въ сознаніи, для наступленія процесса *ассимиляціи* (см. Wundt, *Grundriss der Psychologie* ¹, 1905, стр. 278), примѣромъ котораго можетъ служить, между прочимъ, невѣрное чтеніе словъ или пропускъ ошибокъ при корректурѣ. Основной чертой процесса ассимиляціи, которая отличаетъ его, какъ одновременную ассоціацію (*Simultane Assoziation*), отъ послѣдовательной ассоціаціи (*Sukzessive Assoziation*) является то, что полученныя ощущенія и результатъ ассимиляціи не различаются сознаниемъ, какъ два отдѣльныхъ по времени момента, иначе говоря что мы не сознаемъ разницы между объективно данными ощущеніями и результатомъ нашего воспріятія, какъ въ этомъ каждый могъ убѣдиться, всякій разъ когда ему случалось невѣрно прочесть то или иное слово.

Слѣдовательно звуковыя представленія, соотвѣтствующія написаніямъ «смеркается», «свѣтаетъ», «темно» и т. д., могутъ возникать въ насъ и при произнесеніи довольно различныхъ звуковыхъ комплексовъ, причемъ различіе между дѣйствительно произнесеннымъ и нашими соотвѣтствующими слуховыми ощущеніями съ одной стороны, и нашимъ воспріятіемъ съ другой стороны, сознаниемъ нормально не воспринимается въ силу только что указанной основной черты процесса ассимиляціи; иначе говоря, въ извѣстныхъ предѣлахъ мы вовсе не замѣчаемъ колебаній въ произношеніи. Изъ этого слѣдуетъ, что нельзя себѣ представлять дѣло такъ, какъ будто разныя произносительныя формы одного и того-же слова *непосредственно* ассоціированы со смысло-

---

*) Я нарочно выбралъ такіе примѣры, которые избавляютъ меня отъ необходимости развивать мои взгляды на взаимоотношеніе словъ и предложеній, такъ какъ это черезчуръ отвлекло-бы меня отъ непосредственной задачи моего изслѣдованія.

выми представлениями. Такое понимание покоится на недостаточном анализе процесса восприятия, на неразличении одновременных и последовательных ассоциаций, т. е. на той «вульгарной психологии», критика которой и составляет главную заслугу Вундта перед языкознанием.

§ 3. Объективное положение вещей сводится к тому, что у людей, вопли владѣющих даннымъ языкомъ, смысловыя представления ассоциированы съ нѣкоторымъ общимъ звуковымъ представлениемъ того или другого слова, со *звуковыми словомъ-типомъ*, которому можетъ соответствовать колеблющееся произношение, причемъ размахъ этихъ колебаній бываетъ очень значителенъ. О величинѣ его можно составить себѣ приблизительное представление, если вспомнить, какъ велики бываютъ ошибки при чтеніи словъ. Maximum колебаній опредѣляется легкостью ассимиляціи: когда ассимиляція, а слѣдовательно и пониманіе, являющееся цѣлью языкового общенія, затрудняется, то мы жалуемся на худое произношеніе, невнятность рѣчи и т. п. Въ качествѣ примѣровъ разберемъ возможные колебанія гласныхъ одного изъ вышеприведенныхъ словъ, хотя-бы слова «смеркается»: гласный перваго слога можетъ колебаться отъ яснаго [e] при отчеканиваніи до [ь] обыкновеннаго произношенія и до нуля быстраго произношенія, когда [г] беретъ на себя слоговую функцію; а удареннаго слога колеблется отъ [а] чистаго при обыкновенномъ произношеніи до [л] быстраго темпа рѣчи; слогъ *je* колеблется отъ [je] до [ь] и [ь] въ разныхъ темпахъ; а конечнаго слога, не говоря о безчисленныхъ возможныхъ оттѣнкахъ по тембру, можетъ быть и звонкимъ и глухимъ... Я не говорю уже о варьяціяхъ длительности, которыя безконечны, и оставляю въ сторонѣ варьяціи согласныхъ, такъ какъ это потребовало-бы экспериментальныхъ данныхъ и завело-бы меня такимъ образомъ слишкомъ далеко, но и приведенныхъ примѣровъ, полагаю, достаточно для подтвержденія сказаннаго о значительности размаха колебаній въ произношеніи одного и того-же слова.

Тѣмъ не менѣе всѣ эти колебанія *нормально* нами не сознаются, оставаясь ниже порога сознанія, и даже когда они достигаютъ извѣстнаго предѣла, то мы говоримъ, какъ было указано выше, лишь о «невнятномъ» произношеніи, а не объ

отклоненіи отъ нормы. Само собою разумѣется, что изощряя свое самонаблюденіе и такъ сказать дрессируя себя въ этомъ направленіи, можно наблюдать всѣ эти оттѣнки произношенія, и это даже относительно просто, если намъ на нихъ указать. Насколько-же однако трудно обратить на нихъ вниманіе *впервые*, явствуется изъ того, что «открытіе» того или другого оттѣнка обыкновенно вмѣняется въ особую заслугу. Сравнительно легко замѣчаютъ *нѣкоторые* оттѣнки иностранцы и дѣти, такъ какъ ни у тѣхъ, ни у другихъ не создались еще звуковыя слова-типы.

Качественно и количественно колебанія произношенія будутъ различаться отъ языка къ языку, такъ какъ зависятъ отъ общаго фонетическаго (а отчасти и морфологическаго и синтаксическаго) строя языка, иначе говоря, отъ языковыхъ привычекъ предстателей данной языковой группы (сумма этихъ привычекъ въ области произносительной и называется артикуляціонной базой: ср. Roudet—*Eléments de phonétique générale*. 1910, стр. 37).

Этимъ, между прочимъ, объясняется то, что мы довольно легко замѣчаемъ иностранное произношеніе *): оно не находится въ плоскости привычныхъ колебаній.

§ 4. Углубляя самонаблюденіе и анализъ нашего сознанія, перейдемъ къ другому не менѣе важному пункту. Извѣстно, что такіе элементы нашего сознанія, какъ удовольствіе, неудовольствіе, удивленіе и т. п. выражаются въ нашей рѣчи *интонаціями* (оставляю въ сторонѣ вопросъ о томъ, что такое собственно «интонація» съ фонетической точки зрѣнія). Одно и то же слово, напримѣръ «смеркается», можетъ быть произнесено съ интонаціей неудовольствія, когда уменьшеніе свѣта чему-либо препятствуетъ, или съ интонаціей удовлетворенія, радости по поводу приближенія вечера и т. п. Само собою однако разумѣется, что эти интонаціи существуютъ только въ словахъ **)—въ этихъ послѣднихъ ихъ нельзя себѣ даже представить, точно также

---

*) Хотя обыкновенно мы и не понимаемъ, въ чемъ состоитъ отлічіе въ каждомъ конкретномъ случаѣ.

**) Замѣчу кстати, что напримѣръ, «завтра!» и «завтра?» являются въ той-же мѣрѣ разными словами, какъ напримѣръ, «карта.» и «карты.», «такъ.» и «такъ-ли?»: рѣшительно все равно, чѣмъ и гдѣ достигается акустическая дифференціація; но разъ она налицо и ассоціирована со смысловой, то передъ нами два слова.

какъ невозможно себѣ представить отверстія для оконъ безъ стѣнъ.

Однако, по основному свойству нашей психики, элементы, входящіе вмѣстѣ въ составъ цѣлаго ряда разныхъ представленій, вступаютъ въ тѣсную связь другъ съ другомъ. Определенная интонація слова, входя въ качествѣ одного изъ элементовъ въ представленіе разныхъ словъ, имѣющихъ однако всегда одинъ и тотъ-же чувственный элементъ, напримѣръ неудовольствія, *необходимо* вступаетъ въ тѣснѣйшую связь съ этимъ послѣднимъ и такимъ образомъ въ извѣстной степени изолируется нашимъ сознаниемъ. Подлинное существованіе подобной связи вполне доказывается тѣми обыденными, постоянно повторяющимися случаями, когда мы произносимъ съ отгѣнкомъ, напримѣръ неудовольствія, и съ соотвѣтствующей интонаціей слова, никогда нами ранѣе не слышанныя въ такомъ произношеніи.

Такимъ образомъ мы должны признавать извѣстную самостоятельность, выражающуюся въ способности вступать въ независимыя ассоціаціи, за такими элементами фонетическихъ представленій, какъ напримѣръ мелодія слова, которая сама по себѣ даже не можетъ существовать.

Разъ это такъ, то тѣмъ болѣе мы должны признавать подобную самостоятельность за такими элементами акустическихъ представленій, какъ тѣ, которые символизируются написаніями *a, e, s* и т. д. и которые легко могутъ нами изолироваться въ дѣйствительности, т. е. произноситься отдѣльно. Нѣкоторые изъ нихъ могутъ даже играть роль цѣлыхъ словъ, какъ напримѣръ «а», «и», призывающее «сс»... и т. д. Очень распространено мнѣніе, будто «мгновенные», какъ *p, t, k...*, не могутъ быть произнесены отдѣльно; но разъ мы произносимъ *at*, то рѣшительно непонятно, почему мы не могли-бы произнести просто *t* оно мало сонорно и потому не будетъ слышно уже въ небольшомъ отдаленіи, но можетъ быть совершенно естественнымъ *).

§ 5. Необходимо теперь ближе разсмотрѣть тѣ психическіе процессы, въ результѣ которыхъ происходитъ изолированіе такихъ

---

*) Это мнѣніе возникло среди учителей, которые дѣйствительно, для того чтобы быть услышаны всѣмъ классомъ, произносятъ нѣчто вроде [t_x, p_x, k_x . . .] вм. [t, p, k . . .].

элементовъ какъ *a, u, i, d, p, s, v* и т. д., по большей части не конституирующихъ самостоятельныхъ словъ.

Въ силу присущей намъ склонности къ анализу, проявляющейся конечно особенно при научномъ мышленіи, но находящейся въ неразрывной связи съ прочими функціями человѣческой психики вообще, мы сравниваемъ различныя звуковыя представленія и наблюдаемъ въ нихъ сходства и различія. Такъ, мы *узнаемъ* (*Wiedererkennungsvorgänge*, см. Wundt, *op. c.*, стр. 288) элементы *s* и *л* въ словѣ «санъ», какъ тождественные съ начальнымъ и конечнымъ элементомъ въ словѣ «сонъ», и въ силу этого сознаемъ, какъ отличные, срединные элементы *a* и *o* и т. д. Подобный анализъ особенно ясно проявляется въ рифмахъ, сущностью которыхъ является вѣдь именно *узнаваніе* ритмически повторяющихся сходныхъ группъ фонетическихъ элементовъ. Онъ проявляется не менѣе ясно при ослышкахъ, когда говорящій искусственно выдѣляетъ сомнительный элементъ, говоря напиримѣръ: [som̄], а не [son̄] и т. д. Наконецъ обученіе грамотѣ по такъ называемому звуковому способу было-бы лишено всякаго смысла, если-бы оно не основывалось на имѣющихся уже у ребенка ассоціаціяхъ, да и самое созданіе алфавита было-бы дѣломъ невозможнымъ.

Здѣсь однако нужно имѣть въ виду одно обстоятельство: не всѣ проходящія черезъ сознаніе представленія попадаютъ въ свѣтлую его точку—большинство остается у порога сознанія; въ свѣтлой-же точкѣ появляются лишь тѣ, которыя имѣютъ для насъ интересъ въ данный моментъ, а потому привлекаютъ наше вниманіе. Такъ какъ основной интересъ рѣчи лежитъ въ смысловыхъ представленіяхъ, то звуковыя нормально не находятся въ свѣтломъ пунктѣ сознанія. Казалось-бы съ этой точки зрѣнія, что и анализъ звуковыхъ представленій нормально нами не производится, и фонетическая дѣлимость есть результатъ въ значительной степени научнаго мышленія. Но дѣло въ томъ, что элементы смысловыхъ представленій оказываются зачастую ассоциированными съ элементами звуковыхъ представленій, такъ *л* въ словахъ *пилъ, билъ, вылъ, дала* ассоциировано съ представленіемъ прошедшаго времени; *a* въ словахъ *корова, вода* ассоциировано съ представленіемъ субъекта; *и* въ словахъ *корову, воду* съ представленіемъ объекта и т. д., и т. д. Благодаря подобнымъ смы-

словымъ ассоціаціямъ, элементы нашихъ звуковыхъ представленій и получаютъ извѣстную самостоятельность.

Наилучшимъ доказательствомъ этой самостоятельности элементовъ нашихъ звуковыхъ представленій служатъ многочисленныя факты исторіи разныхъ языковъ, извѣстные подъ названіемъ аналогическихъ образованій (Analogiebildungen), напримѣръ: мы говоримъ *tr'os*, вм. *tr'as* (трясь), при *tr'esu*; *s'ok*, вм. *s'ek* (сѣкъ), при *s'eku* и т. д. подъ вліяніемъ такихъ случаевъ, какъ *n'os* при *n'esu*, *gr'op* (гребъ) при *gr'ebu*, *st'er'ok* (стерегъ) при *st'er'egu* и т. д. Вліяніе это было-бы абсолютно необъяснимымъ, если-бы мы отрицали психическую самостоятельность такихъ элементовъ, какъ *e*, *o* и т. д. Въ самомъ дѣлѣ психологическій смыслъ пропорціи

$$n'esu : n'os = tr'esu : x$$

$$x = tr'os,$$

которой обыкновенно объясняютъ подобныя явленія, сводится къ тому, что въ глаголахъ съ кореннымъ вокализмомъ *e* въ настоящемъ времени представленіе прошедшаго времени ассоціировано съ кореннымъ вокализмомъ *o*. Само собой разумѣется, что представленіе прошедшаго времени находится въ тѣснѣйшей связи съ конкретнымъ значеніемъ того или другого глагола, точно также какъ и *o* не виситъ гдѣ-нибудь въ воздухѣ, а находится въ томъ или иномъ сосѣдствѣ; однако это конкретное значеніе и сосѣдство являются величинами переменными и, какъ таковыя, находятся подъ порогомъ сознанія, всякій разъ когда мы образуемъ такія формы, какъ *tr'os* вм. *tr'as* и т. п. Въ этомъ можно убѣдиться и путемъ самонаблюденія: зная хорошо данный языкъ, мы легко образовываемъ формы по аналогіи, но для подысканія примѣровъ, оправдывающихъ эту аналогію, требуется довольно сильное напряженіе. Если-бы *o* прошедшаго времени не выдѣлялось нашимъ сознаніемъ изъ цѣлаго слова, то никакая «аналогія» не была-бы возможна, какъ ея не бываетъ при изолированно стоящихъ словахъ, гдѣ нѣтъ достаточныхъ стимуловъ для выдѣленія какихъ-либо элементовъ.

§ 6. Элементы звуковыхъ представленій, подобные русскимъ *a*, *i*, *s*, *v* и т. д., называются обыкновенно «звуками»; но для того чтобы подчеркнуть ихъ психическую природу и отличить ихъ отъ звуковъ въ строгомъ и прямомъ смыслѣ слова, является

цѣлесообразнымъ дать этимъ элементамъ какое-либо иное названіе. Терминъ «фонема», предложенный Бодуэномъ, будетъ по моему мнѣнію, вполне подходящимъ въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе что онъ уже употребляется во многихъ французскихъ лингвистическихъ сочиненіяхъ, гдѣ онъ является эквивалентомъ нѣмецкаго «Sprachlaut». Само собой разумѣется, что дѣло не въ терминѣ, а въ пониманіи, но терминъ зачастую является хорошимъ «memento».

На основаніи сказаннаго въ предыдущемъ параграфѣ фонему *провизорно* можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: это *кратчайшій* элементъ общихъ акустическихъ представленій даннаго языка, способный ассоціироваться въ этомъ языкѣ со смысловыми представленіями *).

§ 7. Разъ фонемы являются какъ-бы отрѣзками общихъ акустическихъ представленій, то очевидно, что и сами онѣ будутъ общими представленіями, представленіями-типами, которымъ соответствуетъ колеблющееся произношеніе. Такимъ образомъ все сказанное относительно словъ-предложеній (см. §§ 2, 3) всецѣло относится и къ фонемамъ.

Но фонемы являются представленіями-типами, не только какъ части болѣе сложныхъ общихъ представленій, но и въ другомъ отношеніи: изошряя наше самонаблюденіе и въ особенности наблюдая произносимое посредствомъ приборовъ, можно констатировать, что разнообразіе элементовъ акустическихъ представленій чрезвычайно велико, во всякомъ случаѣ безконечно больше, чѣмъ это обыкновенно предполагается. Особенно поучительными въ данномъ случаѣ являются изслѣдованія Томсона (*Фонетическіе этюды*, Варшава, 1905), изъ которыхъ слѣдуетъ, что если разсматривать ударенные гласные русскаго языка, произносимые въ словахъ, то окажется, что оттѣнки, при этомъ наблюдаемые,

---

*) Изъ этого опредѣленія слѣдуетъ, что, хотя въ ближе намъ стоящихъ языкахъ *s, k, t, ſ* и т. д. и являются самостоятельными фонемами, но это отнюдь не является обязательнымъ; можно себѣ представить языкъ, въ которомъ всѣ слоги открытые и состоятъ изъ одного какого-либо согласнаго и гласнаго *a*, и въ такомъ языкѣ фонемами будутъ *sa, ka, ta, ſa* и т. д. — *a* не будетъ отдѣляться сознаниемъ. Въ извѣстномъ отношеніи къ подобному состоянію, повидимому, приближался древнеяпонскій языкъ, что и отразилось на японскомъ алфавитѣ.

составляют чуть-ли не непрерывную шкалу. И можно съ увѣренностью сказать, что число наблюдаемыхъ оттѣнковъ будетъ все увеличиваться по мѣрѣ усовершенствованія средствъ наблюденія.

Между тѣмъ, поскольку сознание изолируетъ кратчайшіе элементы нашихъ акустическихъ представленій, оно различаетъ относительно небольшое ихъ число въ каждомъ данномъ языкѣ: очевидно, что при сосредоточеніи нашего вниманія (въ смысловыхъ цѣляхъ) на тѣхъ или другихъ элементахъ звуковыхъ представленій, цѣляя группы оттѣнковъ возбуждаютъ одинаковое, *типовое* представленіе. Очевидно также, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ процессомъ ассимиляціи, о которомъ говорилось выше, такъ какъ *нормально* мы и не подозреваемъ о существованіи всѣхъ этихъ оттѣнковъ, и если нѣкоторые изъ нихъ сравнительно легко замѣчаются внимательнымъ наблюдателемъ, то о другихъ мы лишь съ удивленіемъ узнаемъ изъ специальныхъ сочиненій.

§ 8. Какіе же факторы регулируютъ образованіе этихъ типовыхъ представленій, т. е. образованіе фонемъ? Прежде всего мы воспринимаемъ, какъ тождественное, все мало-мальски сходное съ акустической точки зрѣнія, *ассоціированное съ однимъ и тѣмъ-же смысловымъ представленіемъ*, и съ другой стороны мы различаемъ все способное *само по себѣ ассоціироваться съ новымъ значеніемъ*. Въ словахъ *дѣти* и *дѣтки* мы воспринимаемъ *t'* и *t*, какъ двѣ разныхъ фонемы, такъ какъ въ *одѣть* | *одѣтъ*, *разуть* | *разутъ*, *тукъ* | *тюкъ* онѣ дифференцируютъ значеніе; но мы воспринимаемъ различные оттѣнки перваго гласнаго, какъ *одну фонему*, такъ какъ не найдемъ въ русскомъ языкѣ ни одного случая, гдѣ-бы дифференціація смысла была поддерживаема лишь этими двумя оттѣнками, и такой случай нельзя себѣ представить даже въ искусственномъ *русскомъ* словѣ *).

Совершенно обратное видимъ во французскомъ, гдѣ въ словахъ *dé* и *dais* вся разница смысла покоится на различеніи двухъ фонемъ [e] (*e* узкаго) и [ẽ] (*e* широкаго **) , тогда какъ

*) Возможно однако, что діалектически эти два оттѣнка являются самостоятельными фонемами (см. § 13).

**) То же видимъ и въ итальянскомъ, гдѣ различаются слова *pesca* [peska] «персикъ» и *pesca* [peska] «удить рыбу».

слегка палатализованное [d] *) въ *dis* французы (отнюдь не русскіе) воспринимаютъ какъ тождественное съ *d* въ (*oui*)*da*, такъ какъ эти два оттѣнка не способны во французскомъ дифференцировать значенія.

Приведу еще нѣсколько примѣровъ для иллюстраціи сказаннаго.

1) Въ русскомъ языкѣ изслѣдователи давно замѣтили два оттѣнка *a* и два оттѣнка *i* въ зависимости отъ качества слѣдующаго согласнаго, на примѣръ въ словахъ *данъ* и *дань*, *битъ* и *битъь*; но эти оттѣнки не способны самостоятельно дифференцировать слова—съ точки зрѣнія смысла они всегда тождественны; другими словами въ русскомъ существуетъ лишь *одна* фонема *a* и *одна* фонема *i*. Не то видимъ во французскомъ и въ чешскомъ: въ первомъ различаются два *a*, какъ въ *pâte* и *patte*, а во второмъ два *i*, какъ въ *plti* и *piti* **).

2) Во французскихъ словахъ *cas* и *qui* [k] несомнѣнно будетъ очень разное ***); но *k*, слышащееся-же въ *qui*, никогда не будетъ стоять передъ *a*, слышащееся въ *cas* никогда не будетъ стоять передъ *i*—поэтому «эти два оттѣнка *k* не играютъ роли смысловыхъ величинъ, а разница между ними не существуетъ съ лингвистической точки зрѣнія». Цитирую здѣсь слова Р. Passy (въ *Exposé des principes de l'Association phonétique internationale*, 1908, р. 15), одного изъ немногихъ фонетиковъ, который вполнѣ понималъ эту простую идею о необходимости различать «les éléments significatifs d'une langue» отъ звуковъ, которые «n'ont aucune valeur distinctive».

3) Когда я изучалъ одинъ изъ лужицкихъ говоровъ въ окрестностяхъ Мужакова (Muskau), то записывалъ первое время

---

*) Ср. палатограммы у Rousselot—*Etudes de prononciations parisiennes. La parole*, 1899, р. 486, fig. 68.

**) По моимъ наблюденіямъ, въ чешскомъ различія по количеству при *i* и *u* отступаютъ на задній планъ передъ различіями по качеству, т. е. первыя могутъ и не осуществляться, и дѣйствительно по большей части не осуществляются, тогда какъ вторыя всегда налицо — впрочемъ я конечно допускаю, что не будучи чехомъ, я невѣрно толкую наблюдавшіеся мной факты.

***) Оно будетъ чувствительно разное даже въ такихъ словахъ, какъ *cas* и *cave*, ср. Rousselot—*Principes*, II, р. 652, fig. 434, 1. Вмѣсто *cas* тамъ взято несуществующее слово «*káv*» (транскр. Rousselot).

такія слова, какъ [Kɔɾlɔ] «Карлъ», [šipɔɾlɔ] «подлѣ», съ другимъ *o*, нежели въ такихъ словахъ, какъ [tɔ] «то», [tɔskɔ] «чашка» и т. п., и, какъ оказалось изъ фонаутографическихъ записей, эти *o* были дѣйствительно значительно разныя. Но когда я обратился съ разспросами по поводу наблюденнаго мною явленія, то оказалось, что туземцы вовсе не отличаютъ этихъ двухъ оттѣнковъ *o*: меня стали увѣрять, что я ошибаюсь, причемъ для убѣдительности произносили [kɔ:—ɾlɔ], т. е. протягивали *o* и отдѣляли слѣдующее *ɾlɔ*, и дѣйствительно *o* при этомъ получалось нормальное; но какъ только слово произносилось цѣликомъ, *o* получало отличный (для меня) оттѣнокъ, зависящій очевидно отъ слѣдующаго *ɾ*. Обвинять жителей въ исключительной фонетической тупости не приходится, такъ какъ они прекрасно различаютъ три рода *o* въ своемъ языкѣ, изъ которыхъ одно было для меня очень трудно отличать въ бѣглою рѣчи. Думать, что здѣсь сказывается вліяніе графики нельзя, такъ какъ они всѣ неграмотны на своемъ родномъ языкѣ *), а при попыткахъ передать свою рѣчь нѣмецкимъ алфавитомъ они и тѣ *o*, которыя прекрасно отличаютъ, передаютъ черезъ букву *o*.

4) По русски въ словѣ *воплъ* несомнѣнно слышится *при сосредоточенномъ вниманіи* глухое [l̥], однако никто не будетъ его считать самостоятельной фонемой, и врядъ-ли даже кто изъ русскихъ безъ нѣкоторой подготовки замѣтитъ разницу въ *l̥* въ словахъ *воплъ* | *вопля* и ужъ конечно не произнесетъ сочетанія [l̥ a l̥]. Между тѣмъ въ кимрскомъ (уэльскомъ) и въ исландскомъ [l̥] является самостоятельной фонемой и не зависитъ ни отъ какихъ специальныхъ фонетическихъ условій.

5) г. Голоскевичъ очень тонко различилъ въ малорусскомъ нѣсколько оттѣнковъ [i—i] (Изв. Отд. XIV, 4, стр. 106); но всѣ они *нормально* воспринимаются сознаниемъ, какъ одна и та-же фонема, такъ какъ не ассоціированы ни съ какими смысловыми представленіями, находясь лишь въ непосредственной фонетической зависимости.

Зато полагаю, что различіе между [i] и [i—i], являющимися

---

*) Muskau находится въ Пруссіи, гдѣ мѣстный языкъ не допущенъ въ школѣ.

въ малорусскомъ самостоятельными фонемами, будетъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не больше различія *i*, *l* послѣ мягкихъ и *i*, *l* послѣ твердыхъ въ чешскомъ, о которомъ говоритъ Frinta (*Novočeská Výslovnost*, стр. 64) и которое существуетъ, повидимому, лишь фонетически.

б) Въ англійскомъ, какъ извѣстно, можно различить два оттѣнка *l* въ зависимости отъ положенія въ слогѣ: въ началѣ, передъ гласнымъ *l* болѣе высокаго тембра и въ концѣ слога *l* съ болѣе низкимъ резонансомъ (¹*l*, ²*l* по Jones — *The Pronunciation of English*, 1909, р. 23). Изъ нихъ послѣднее очень напоминаетъ русское *лв*. Но, не будучи ассоціировано со смысловыми представленіями, это различіе болѣе или менѣе игнорируется сознаниемъ—даже не во всѣхъ фонетикахъ о немъ упоминается, что было бы немислимо для русской пары *лв* | *лв*.

Число примѣровъ подобнаго рода можетъ быть увеличиваемо безъ конца, какъ это ясно каждому практику-фонетику, имѣвшему дѣло съ живыми языками. Полагаю однако, что и приведенныхъ достаточно для иллюстраціи положеній, высказанныхъ въ началѣ параграфа, и что я могу теперь перейти къ дальнѣйшему изслѣдованію природы фонемъ.

§ 9. Само собой разумѣется, что фонемы являются общими представленіями не въ логическомъ смыслѣ, т. е. это не отвлеченные общіе признаки группы частныхъ представленій—это совершенно конкретное звуковое представленіе, которое возникаетъ у насъ, какъ результатъ процесса «ассимиляціи», подъ вліяніемъ довольно различныхъ впечатлѣній. Поэтому позволительно спросить, какимъ же объективнымъ оттѣнкамъ соотвѣтствуютъ фонемы. Вопросъ довольно трудный, и я полагаю, что отвѣтъ на него будетъ различный отъ языка къ языку, такъ какъ надо предполагать цѣлый рядъ факторовъ, опредѣляющихъ конкретныя качества фонемы. Говоря вообще, *фонемами являются тѣ оттѣнки, которые находятся въ наименьшей зависимости отъ окружающихъ условій*.

Въ одномъ однако отношеніи фонемы отличаются отъ всѣхъ объективно существующихъ въ произношеніи оттѣнковъ и, пожалуй, даже приближаются къ логическимъ общимъ представленіямъ: тому, что мы называемъ фонемой *а*, въ словѣ *адв* напри- мѣръ, въ произношеніи вовсе не соотвѣтствуетъ нѣчто однород-

ное — наоборотъ, гласный элементъ по качеству представляетъ нѣкоторую кривую, которая начинается [Λ] (неударенный гласный, напримѣръ въ словѣ *попа*), проходитъ черезъ всевозможные оттѣнки *a* и кончается открытымъ *e*, что можно наглядно представить слѣдующимъ рядомъ, гдѣ цифры обозначаютъ приближительныя отношенія по длительности и гдѣ элементъ, соответствующій нашей фонемѣ *a*, отмѣченъ курсивомъ (ср. § 60):

$$[\overset{6}{\Lambda}] - [\overset{6}{a}] - \overset{5}{a} - [\overset{4}{a}] - [\overset{5}{a}] - [\overset{4}{*}].$$

Мы однако вовсе не замѣчаемъ этихъ измѣненій. Объясняется это тѣмъ, что кривая эта будетъ разная въ зависимости отъ разнаго сосѣдства (сталь = st—a—l, пахъ = p—a—x, взялъ = vz'—a—l и т. д.), постоянной-же остается лишь нѣкоторая небольшая часть (отмѣченная въ ряду курсивомъ).

Очевидно, въ нашемъ сознаниі усиливается именно тотъ элементъ, который постоянно повторяется. остальные-же, какъ перемѣнные, нами игнорируются, и притомъ такъ основательно, что едва-ли кто безъ особой тренировки сможетъ услышать всѣ указанные выше оттѣнки. Поэтому, когда намъ нужно по той или другой причинѣ (для ясности, съ цѣлью подчеркнуть, въ раздумьѣ, въ удивленіи и т. п. *), протянуть ту или другую фонему, то мы протягиваемъ именно этотъ общій элементъ. Его-же мы и изолируемъ, какъ нѣчто *типическое* для данной фонемы.

§ 10. Остается обратить вниманіе еще на одно свойство фонемы, важное для правильного пониманія такъ называемыхъ «аффрикатъ» и нѣкоторыхъ «дифтонговъ»: *каждую самостоятельную фонему можно протянуть, не прибавляя къ данному фонетическому сочетанію ничего новаго*; тѣ-же элементы, которые не имѣютъ самостоятельности, а являются лишь частями другихъ фонемъ никоимъ образомъ протянуть нельзя, не прибавивъ новаго элемента. Примѣровъ, кромѣ уже сказаннаго объ *a* въ словѣ *adv*, можно привести очень много:

1) русскія *c* и *ѣ* имѣютъ несомнѣнные элементы *s* и *š* (см. мою статью въ *M. S. L. XV*, p. 237); однако эти послѣдніе не

*) Вообще такихъ случаевъ въ жизни представляется довольно много, и языкъ нельзя себѣ представлять, какъ какой-то безостановочный потокъ рѣчи: человекъ—не граммофонъ.

самостоятельны, такъ какъ достаточно ихъ немного протянуть, для того чтобы мы восприняли результатъ, какъ *cs*, ѣѣ.

2) Въ томъ лужицкомъ говорѣ, о которомъ я уже упоминалъ, есть особое узкое *e*, воспринимавшееся мной какъ нѣчто вроде [ei], т. е. какъ *e* съ легкой дифтонгизаціей; однако элементъ *i* не можетъ быть продолженъ и потому не воспринимается отдѣльно отъ *e*. И дѣйствительно, туземцы безусловно отрицаютъ присутствіе какой-либо дифтонгизаціи въ данномъ случаѣ. То-же наблюдается и при узкомъ *o*, которое звучитъ, приблизительно какъ [ou], и при *ó*, произносимомъ какъ нѣчто вроде [uo].

3) Нѣчто аналогичное видимъ и въ англійскомъ, гдѣ долгія *e* и *o* воспринимаются, какъ простыя фонемы, несмотря на ихъ значительную и притомъ объективно констатированную дифтонгизацію.

4) Та фонема, которую въ верхнелужицкомъ обозначаютъ буквой ^v *e*, представляетъ изъ себя въ сущности дифтонгическое сочетаніе [ie-]; но элементъ *i* весьма кратокъ и ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть продолженъ, такъ что все сочетаніе воспринимается туземцами, какъ монофтонгъ, какъ одна простая фонема *). Полагаю, что нѣчто подобное представляютъ литовское *ė* и латышское *ē*.

§ 11. Принимая во вниманіе все сказанно, можно придать такой окончательный видъ опредѣленію фонемы (ср. § 6): фонемой называется кратчайшее общее фонетическое представленіе даннаго языка, способное ассоціироваться со смысловыми представленіями и дифференцировать слова и могущее быть выдѣляемо въ рѣчи безъ искаженія фонетическаго состава слова.

Въ этомъ опредѣленіи я замѣнилъ терминъ моего провизорнаго опредѣленія «акустическое представленіе» терминомъ «фонетическое представленіе», какъ обнимающимъ весь сложный комплексъ относящихся сюда психическихъ элементовъ, потому

---

*) Я думаю, что однимъ изъ рѣшающихъ моментовъ для воспріятія является въ подобныхъ случаяхъ длительность сочетанія: если она болѣе или менѣе равняется длительности простыхъ фонемъ той-же категоріи, то и все сочетаніе воспринимается, какъ *простая* фонема.

что, какъ извѣстно, акустическія представленія неразрывно связаны съ представленіями движеній органовъ рѣчи, необходимыхъ для осуществленія соотвѣтственнаго звука.

§ 12. Какъ это вытекаетъ изъ всего предшествующаго изложенія, фонемы—это продуктъ нашей психической дѣятельности, это въ извѣстной мѣрѣ величины производныя. Однако если онѣ являются, хотя и типовыми, но все-же *конкретными* фонетическими представленіями, то совершенно очевидно, что и сами онѣ могутъ быть факторами психической дѣятельности и что въ частности при процессѣ говоренія мы всегда стремимся осуществить всѣ свойства даннаго типового акустическаго представленія въ силу вышеуказанной неразрывной связи звуковыхъ и двигательныхъ представленій. Иначе говоря, мы стремимся «произносить фонемы» одинаково во всѣхъ положеніяхъ. И если мы этого не дѣлаемъ, т. е. если мы все-таки произносимъ по разному въ зависимости отъ фонетическихъ условій, то происходитъ это отъ недостаточнаго задерживанія вниманіемъ вліянія другихъ фонетическихъ представленій, находящихся одновременно въ сознаніи *).

Въ справедливости сказаннаго нетрудно убѣдиться: въ словѣ «дѣти» мы произносимъ очень закрытое *e* въ зависимости отъ мягкости послѣдующаго согласнаго; но этотъ оттѣнокъ *e* не является самостоятельной фонемой, и вмѣсто него неминуемо появляется нормальное *e* (соотвѣтствующее фонемѣ), какъ только намъ случится протянуть это *e*, напримѣръ, въ удивленномъ восклицаніи: «ну, дѣти!» [nu, d'e:t'ь!], но никогда [nu, d'e:t'ь!]. То-же самое видимъ и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ: [dan'], но [da:n'] и т. д.).

Такъ надо понимать тѣ явленія, которыя Бодуэнъ называетъ «несоотвѣтствіемъ исполненія съ намѣреніемъ»; и мнѣ кажется, что при такой постановкѣ вопроса «распаденіе фонемъ на оттѣнки подѣ вліяніемъ разнообразныхъ фонетическихъ факторовъ» отнюдь не является образнымъ и въ еще меньшей сте-

---

*) Что касается задерживающей силы вниманія, то совершенно ясно, что она регулируется лишь легкостью пониманія и выступаетъ лишь тогда, когда вліяніе другихъ представленій искажаетъ слово до неузнаваемости.

пени метафизическимъ выраженіемъ. И мнѣ кажется даже, что разысканіе этихъ оттѣнковъ, на которые распадаются фонемы, а также объясненіе причинъ появленія каждаго изъ нихъ и являются основными задачами фонетики.

§ 13. Если все до сихъ поръ изложенное справедливо, то теоретическая важность различенія фонемъ и ихъ оттѣнковъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Остается сказать еще о его практическомъ значеніи.

Различеніе это представляется мнѣ безусловно необходимымъ съ узко-лингвистической точки зрѣнія: оттѣнки фонемъ, не будучи ассоціированы со смысловыми представленіями, являясь лишь неосознаннымъ слѣдствіемъ окружающихъ условій, *не способны къ перенесенію «по аналогіи»*, т. е. не являются тѣми основными единицами, съ которыми мы только и можемъ оперировать въ лингвистикѣ.

Для поясненія этой простой мысли возвращаюсь къ моимъ лужицкимъ примѣрамъ: особенное отмѣченное мною *o*, являясь только передъ *r* и не сознаваемое говорящими, какъ отличное, очевидно не можетъ быть никуда перенесено въ силу какихъ-либо морфологическихъ процессовъ. Другое дѣло, узкое *o*, слегка дифтонгирующееся и появившееся передъ губными и заднеязычными: оно вошло вполнѣ въ сознаніе говорящихъ и стало самостоятельной фонемой, такъ что у предлога *do* на примѣръ, который долженъ-бы звучать иногда [do], иногда [dɔ] (въ зависимости отъ слѣдующаго слова), могла быть обобщена форма [do] совершенно независимо отъ фонетическихъ условій.

То-же относится и къ четвертому отмѣченному мной оттѣнку *o* (*ó* письменнаго языка — нѣчто вродѣ [uɔ]), появившемуся только въ начальномъ слогѣ слова послѣ заднеязычныхъ и губныхъ. Оно также вполнѣ вошло въ сознаніе и можно сказать на примѣръ: *ku godam* («къ святкамъ») и *ku gódam* по аналогіи къ им. пад. *gódy*, и если спросить туземца, какъ лучше, то вопросъ будетъ понятъ; спрашиваемый попытается сказать такъ и такъ, и отвѣтитъ, что и то и то одинаково возможно.

Само собою разумѣется, что абсолютной границы между оттѣнками и фонемами нѣтъ, какъ вообще въ природѣ нѣтъ никакихъ рѣзкихъ раздѣленій, которыя обыкновенно принимаются нами лишь ради удобствъ научнаго изученія. На самомъ дѣлѣ

существуют фонемы болѣе самостоятельныя и менѣе самостоятельныя. Въ § 38 второй части будетъ указано различіе въ этомъ смыслѣ и его причины между *a, e, i, o, u* съ одной стороны и *и* съ другой стороны въ русскомъ. Могу указать также на фонему [з] въ моемъ языкѣ (въ словахъ *пжжу, дожди* и т. п., хотя и не во всѣхъ случаяхъ подобнаго типа): въ виду того что она встрѣчается лишь въ сочетаніи съ предшествующимъ *ж*, а морфологическая граница рѣдко приходится между ними, самостоятельность ея очень слабо сознается мной, и я нѣсколько склоненъ разсматривать все сочетаніе [z'э], какъ одну фонему. Съ другой стороны нѣкоторые оттѣнки близки къ тому, чтобы стать фонемами — такъ въ моемъ языкѣ [š'] не является самостоятельной фонемой, однако появленіе его и послѣ нѣкоторыхъ мягкихъ содѣйствуетъ относительному выдѣленію его среди прочихъ оттѣнковъ.

Вообще говоря, фонетическая исторія языка, въ извѣстной части, сводится съ одной стороны къ исчезновенію изъ сознанія нѣкоторыхъ фонетическихъ различій, къ исчезновенію однѣхъ фонемъ, а съ другой стороны къ осознанію нѣкоторыхъ оттѣнковъ, къ появленію другихъ, новыхъ фонемъ. Въ моей практикѣ былъ въ этомъ отношеніи очень поучительный случай. Въ томъ лужицкомъ говорѣ, о которомъ уже много разъ была рѣчь, нормально говорится [do sturn'ε] «въ колодець». Разъ какъ-то однако одинъ молодой рабочій, диктуя мнѣ много разъ записанную мной пѣсенку, гдѣ встрѣчается это слово, продиктовалъ [do sturnε], съ твердымъ *л*. Я переспросилъ, онъ повторилъ свое; тогда я обратился къ присутствовавшимъ, спрашивая ихъ мнѣніе; всѣ нашли, что онъ правильно произносить это слово, хотя сами произносили его съ мягкимъ *л*. Послѣ ряда всевозможныхъ контрольныхъ вопросовъ я пришелъ къ ясному убѣжденію, что различіе *л | л'* исчезаетъ изъ сознанія говорящихъ, лишаясь смысловыхъ ассоціацій, которыя всѣ перенесены въ данномъ случаѣ на гласный: послѣ бывшихъ мягкихъ стоитъ [ε], а послѣ твердыхъ [æ]. Различія въ этихъ гласныхъ всѣми сознаются, и разспросы о нихъ всѣми легко понимаются, вопросъ же «[п'ε] или [пε]» непонятенъ, такъ какъ и то и другое въ равной мѣрѣ удовлетворяетъ ухо мѣстныхъ жителей.

Нѣчто аналогичное можетъ произойти и въ русскомъ языкѣ съ разными оттѣнками *e*: два нормально мной неразличаемыхъ оттѣнка могутъ стать самостоятельными фонемами. Случаевъ къ этому можетъ представиться много. Укажу на слова: *передній, средній, лѣтній* и т. д. Мягкое качество *d, t* нами здѣсь не воспринимается, такъ какъ въ этомъ положеніи *d* и *t* не имѣютъ самостоятельнаго взрыва (въ моемъ языкѣ они и являются твердыми, а предшествующій гласный имѣетъ болѣе широкій оттѣнокъ). Предположимъ, что эта мягкость будетъ играть въ данномъ случаѣ морфологическую роль; тогда *d* и *t* будутъ произноситься съ поднятіемъ средней части языка къ небу; акустически-же, въ виду отсутствія самостоятельнаго взрыва, это можетъ обнаружиться лишь на качествѣ предыдущаго гласнаго, оттѣнки котораго такимъ образомъ должны будутъ появиться въ свѣтломъ полѣ сознанія. Если такихъ случаевъ будетъ достаточно, то новыя фонемы готовы. Нѣкоторыя обстоятельства дѣлаютъ для меня вѣроятнымъ, что многіе русскіе говоры различаютъ [e] и [e̞] (см. § 50), какъ самостоятельныя фонемы, но къ сожалѣнію я не имѣлъ случая изслѣдовать ближе этотъ вопросъ *).

§ 14. Еще нѣсколько словъ о трудности практическаго различенія фонемъ отъ ихъ оттѣнковъ. Какъ должно слѣдовать изъ предыдущаго изложенія, для туземцевъ это абсолютно легко, такъ какъ фонемы являются непосредственными фактами ихъ

[*] Преподавая въ текущемъ учебномъ году на Курсахъ новыхъ языковъ основы французскаго произношенія, я имѣлъ случай констатировать, что мои слушательницы распадаются съ точки зрѣнія различенія французскихъ *e* и *é* на слѣдующія группы (въ зависимости отъ ихъ діалекта): большинство, подобно мнѣ, не различаетъ ихъ и упорно произноситъ при упражненіяхъ рядъ *i, é, e, a* вмѣсто требуемаго — *i, e, e, a*; однако имъ можно растолковать французское *é* на русскихъ примѣрахъ— *цѣль, цѣны, Бѣла* и т. д. (подробнѣе о разныхъ *e* см. § 50), и онѣ научаются его произносить вѣрно (есть однако нѣкоторое число лицъ— діалектъ которыхъ затрудняюсь опредѣлить— произносящихъ, повидимому, и въ вышеприведенныхъ русскихъ словахъ обычное *e*); вторая группа— изъ южно-великороссіи— сразу понимаетъ различіе двухъ *e*, но произноситъ ихъ невѣрно: *e* черезъ чуръ закрыто (какъ въ *тѣнь*), а *é*, какъ *e*; наконецъ, третью группу составляютъ уроженки малороссіи (ихъ правда у меня было очень мало), которыя, подобно чехамъ, произносятъ звукъ средней, годящійся еще для краткаго *e* въ закрытыхъ слогахъ (*cette, celle*), но не подходящій ни къ *e* въ *passerai*, ни къ *é* въ *reine, passerais*. —Корр. доб.]

сознанія, оттѣнковъ-же они нормально не замѣчаютъ. Нѣкоторую трудность могутъ развѣ представить пограничные случаи. Зато дѣлать это различіе въ чужомъ языкѣ такъ-же трудно, какъ вообще трудно наблюдать чужую душевную жизнь. При діалектологическихъ изслѣдованіяхъ самымъ труднымъ (и едва-ли не самымъ важнымъ) является не записываніе разныхъ тонкихъ отличій, а констатированіе того, какія отличія въ данномъ языкѣ важны, а какія не важны, съ точки зрѣнія смысла, и здѣсь приходится со своимъ аршиномъ, со своими языковыми привычками не приходится, такъ какъ зачастую то, что мы считаемъ грубыми отличіями, туземнымъ населеніемъ вовсе не воспринимается, а то, что мы считаемъ неважной subtilностью, на самомъ дѣлѣ ассоціируется съ морфологическими и смысловыми представленіями, а потому ясно всякому туземцу, и можетъ быть констатировано малымъ ребенкомъ, которому объяснили, что отъ него хотятъ.

§ 15. Переходя къ другому понятію, лежащему въ основѣ настоящаго изслѣдованія — неофонетическимъ альтернаціямъ, или дивергенціямъ, я долженъ констатировать, что теорія ихъ развита И. А. Бодуэномъ де Куртенэ въ вышеуказанной его работѣ съ достаточной полнотой. То, что я считалъ нужнымъ прибавить, сказано выше, такъ какъ ясно, что мои «объективно проявляющіеся въ произношеніи оттѣнки фонемъ» являются дивергентами Бодуэна. Какъ отмѣчалось въ § 12 эти оттѣнки потому только и не тождественны съ фонемами, что въ произношеніи всякій разъ имѣются факторы, автоматически измѣняющіе фактическое осуществленіе нашего намѣренія, а это и является основнымъ признакомъ дивергенцій Бодуэна.

Но нужно сказать, что обратное не всегда справедливо, т. е. не всѣ дивергенціи будутъ оттѣнками фонемъ, такъ какъ понятіе Бодуэна шире: оно включаетъ и тѣ случаи, когда мы подъ вліяніемъ этимологическаго чутья воспринимаемъ, какъ нѣчто одинаковое, то, что въ другихъ случаяхъ нами различается.

Б. Задачи изслѣдованія и матерьялы, положенныя въ его основаніе.

§ 16. Какъ отчасти уже было указано въ предыдущей главѣ, на долю фонетика, при изслѣдованіи того или другого конкрет-